

4. Hall E.J., Mouton J.S., Blake R.R. Group problem solving effectiveness under conditions of pooling versus interaction // Journal of social Psychology, 1963. Vol – 27. -P. 147-157.
5. Fraser C., Gouge C., Billig M. Risky shifts, cautious shifts and group polarization // European journal of social Psychology, 1971. Vol – 1. - P. 7-30.
6. Козелецкий, Ю. Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий. – Москва : Прогресс, 1974.
7. Жук, О. Л. Компетентностный подход в преподавании психолого-педагогических дисциплин / О. Л. Жук. – Минск, 2011.

УДК 17.022:82

ПРОБЛЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Доц. Рудко Е.А.

УО «Витебский государственный технологический университет»

Философская проблема преступления в работах Ф.М. Достоевского изложена не в трактатах особого философского типа, а представлена в художественных, религиозных, этических произведениях и имеет нравственно-религиозный и социальный смысл.

Проблема двойственности человеческой личности проходит лейтмотивом через все творчество Ф.М. Достоевского. Как художника-аналитика его влекла удивительная, и даже парадоксальная особенность человеческой психики, состоящая в том, что люди способны время от времени ощущать недовольство от царящего в них порядка, и тогда им вместо порядка начинает хотеться хаоса, а вместо созидания – разрушения.

По убеждению Т.Л. Мотылёвой, Достоевский был поэтом ущемлённой и большой души, и не очень хорошо понимал здоровую человеческую душу.

Мотив иррационального влечения к гибели, бездне, хаосу стал сквозным для всего творчества Достоевского, начиная с «Записок из подполья», в которых с предельной обнажённостью это влечение демонстрирует Подпольный господин. Вывод парадоксален – человеку необходимо не только благоденствие, но и страдание, сомнение, отрицание, а также разрушение и хаос. Устами Ивана Карамазова философ утверждает, что во всяком человеке таится зверь. Для Достоевского как для писателя, экзистенциально-метафизическая природа преступления заключается в способности быть средством заглядывания в бездну небытия. Оно позволяет преступнику упиться собственной дерзостью и испытать завораживающую силу ужаса, смешанного с мучительно-сладостным наслаждением от прикосновения к запретному.

Ф.М. Достоевский был склонен сочетать социологическое видение криминальных проблем с возможностями их метафизического осмысления. Впервые в произведениях писателя присутствие социологической интенции обнаруживается в «Записках из Мёртвого дома», а выводы не отличаются оптимизмом, иначе бы он не назвал «мёртвым» тот мир, куда судьба забросила его на четыре года. Он не отрицал врождённости дурных наклонностей, однако одну из причин небывалого роста преступности в России того времени философ видел в состоянии общества, которое он называл переходным. По мнению Достоевского, суть переходного пе-

риода заключалась в том, что на протяжении целой исторической фазы происходило разложение традиционных социальных структур, прежние нормативные предписания ослабевали и переставали действовать с прежней степенью эффективности, а другие, приходящие им на смену, ещё не обрели достаточной императивности. В результате многие люди почувствовали себя социально, психологически и морально выбитыми из привычной колеи и ввергнутыми в непривычные условия, воспринимавшиеся ими как экстремальные, чреватые бедами и страданиями. На фоне ослабления нормативных функций морально-правовых регуляторов, логика действия традиционных ограничений человеческой активности стала вытесняться логикой вседозволенности. Социальная система входила в состояние, когда нарушения культурных, нравственных, юридических норм стали превращаться в обычные, привычные явления. Тяжёлая болезнь, поразившая общество, настигла одновременно и человеческую душу. Социально-историческому кризису сопутствовали бесчисленные малые кризисы и экзистенциальные катастрофы духа. Из романов Достоевского видно, что нигилистически-криминальному сознанию присуще особое видение мира, подчиняющееся императивам характерного свойства, которые можно было бы назвать вслед за Кантом «злыми максимами».

Криминально ориентированный разум стремился противопоставить общепринятой системе культурных ценностей собственную, альтернативную иерархию ценностей. Его мотивационно-аргументационная деятельность разворачивалась при этом в двух направлениях: во-первых, это нападки на традиционные нормативно-ценностные системы, во-вторых, это усилия по логическому и даже философскому обоснованию притязаний имморально-криминального характера. Этот сложный умственный труд не под силу заурядным обладателям приземлённого рассудка. У Достоевского, его берут на себя герои, наделённые выдающимися интеллектуальными и философскими способностями – Раскольников и Иван Карамазов. Характерно, что в истории философии подобные переоценки осуществляли чаще всего профессиональные мыслители – такие, как, например, греческие софисты и философы-циники, затем Н. Макиавелли и де Сад и, наконец, уже в XIX веке Ф. Ницше.

В отличие от криминального разума, раздумывающего над тем, как бы обмануть себя и уничтожить все религиозно-метафизические и нравственные препятствия на пути к преступлению, криминальный рассудок занят в основном тем, что ищет практические пути и средства для реализации задуманных планов. Ф.М. Достоевского мало интересует деятельность криминального рассудка. Его романы «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» – это критика криминального разума.

Таким образом, Достоевского в первую очередь интересовала личность преступника, а само преступление понималось им как неизбежность, обусловленная социальными факторами и природой человека с преобладанием иррациональных мотивов, в отличие от европейского рационализма.